

Александр Семений

СОЗНАТЕЛЬНАЯ
МЕДИЦИНА
БИОТЕХНОЛОГИИ
ЗДОРОВЬЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 615
ББК 53.59
С30

Иллюстрация на обложке *П. Кузнецовой*

Семений, Александр Тимофеевич.
С30 Сознательная медицина: биотехнологии здоровья /
Александр Семений. — Москва: Издательство АСТ,
2024. — 336 с. — (Медицина Рунета).

ISBN 978-5-17-148505-4

Сознательная, или ценностно-ориентированная медицина — новый подход, позволяющий добиваться полного исцеления человека. В предлагаемой автором медицинской парадигме врача и пациента связывают равные, партнерские отношения. Работа ведется сразу на трех уровнях — духа, души и тела, поэтому врач одновременно выступает как психолог, духовный наставник, коуч, проводник. Пациент при этом занимает активную позицию, вырабатывая сознательное отношение к здоровью.

Суть сознательной медицины заключается в том, что она объединяет все в себе все лучшее, что есть в западной и восточной медицине, не противопоставляя эти подходы. И добавляет к ним физический, психологический и духовный ресурс самого пациента, что и позволяет достигать высоких результатов в лечении.

Глубокие научные знания в книге изложены доступным языком, поэтому она будет интересна не только врачам, но и людям без медицинского образования.

УДК 615
ББК 53.59

ISBN 978-5-17-148505-4

© Семений А.
© ООО «Издательство АСТ»

► ПРЕДИСЛОВИЕ

Ко мне в кабинет ввозят инвалидную коляску, в ней 14-летний парнишка. Скрюченная поза, на глазах — солнцезащитные очки от раздражающего света, из угла рта сочится слюна, издает нечленораздельные звуки, прерываемые матерой бранью. Коляску ввезла мама пациента, от которой я и узнал, что привело их ко мне.

С периода новорожденности ребенок наблюдался неврологом с диагнозом «перинатальная энцефалопатия смешанного генеза, гидроцефальный синдром». Часто болел простудными заболеваниями. В возрасте семи и девяти лет перенес сотрясение мозга, оба раза проходил стационарное лечение.

В ноябре 2000 года в возрасте 12 лет заболел остро, когда на фоне общеинфекционного синдрома в течение нескольких дней присоединилась клиника общемозговых, менингеальных и психических симптомов. Госпитализирован в отделение инфекционной реанимации в тяжелом состоянии, обусловленном остро текущим герпетическим менингоэнцефалитом. В связи с тем, что из-за застойных явлений в легких начала развиваться двухсторонняя крупозная пневмония, мальчика подключили к аппарату ИВЛ. Через четыре дня у него развился инсульт, пациент впал в кому. Через месяц данные КТ головного мозга показывали атрофию правой височной доли и атрофические изменения обоих полушарий. В таком состоянии его и выписали, передав маме на поруки для реабилитации.

На протяжении следующих двух лет пациент наблюдался в психоневрологическом отделении, отмечались акинетический мутизм, тетрапарез, контрактуры тазобедренных, коленных, локтевых суставов, симптоматическая эпилепсия.

Сейчас он сидит передо мной, а я привычно делаю пометки со слов его мамы: «Спонтанно агрессивен. Контакту недоступен, дезориентирован в пространстве, времени, собственной личности. Оправляется под себя...»

Сколько времени нам понадобилось, чтобы справиться с этим ворохом напастей, валившихся на голову парня с самого рождения? Три месяца.

В процессе 1-го курса лечения стали прямо на глазах восстанавливаться психические функции. Уже после второго сеанса, со слов матери, стал менее агрессивен, начал самостоятельно схлебывать с ложки во время кормления, а после седьмого сеанса стали восстанавливаться двигательные навыки. После 12 сеансов стал контролировать функции тазовых органов, уместно шутить. А завершив 2-й курс лечения, мальчик встал с инвалидной коляски и пошел... в школу! То есть произошло полное восстановление когнитивных функций, он стал полностью социально, психологически и физически адаптирован.

Конечно, такие тяжелые поражения мозга — редкий случай, но именно он показывает истинные возможности научно-практического медицинского направления, которое я представляю — **информационно-волновая медицина**.

Меня зовут Александр Семений. Я кандидат медицинских наук, врач-терапевт с 43-летним стажем, руководитель медицинского центра «Образ Здоровья» в городе Зеленограде. Технология здоровья, которую я развиваю, родилась в результате многолетних исследований российских ученых и наконец-то приблизила медицину к пониманию тонких механизмов возникновения болезней — на уровне жизненных энергий и информационных процессов.

На протяжении 20 лет частной практики я собрал в своем центре весьма большой арсенал диагностических и лечебных инструментов, основанных на принципах восстановления жизненной энергии человека. Но и сейчас, не успокаиваясь, я продолжаю искать и изучать сведения о других перспективных разработках, как в плане диагностики, так и в плане коррекции здоровья, работающих на принципах эфирного поля, электромагнитных излучателей, торсионных полей, на основе квантовой физики. И, безусловно, я использую психологические приемы, так как, говоря об энергии, невозможно обойти стороной психоэмоциональную сферу человека, ведь один из основных потребителей жизненных ресурсов организма — это наш мозг. Он потребляет 25% от общего запаса энергии, и если человек находится в негативном, пессимистическом состоянии, и мысли у него соответствующие, то он, конечно, здорово съедает свой энергетический ресурс. Я — за максимальное освоение навыков саморегуляции, помогающих пребывать в состоянии равновесия, спокойствия, расслабленности

и доверия. Становясь чертой характера, они буквально трансформируют человека и направляют вектор в сторону исцеления.

Еще учась на третьем курсе Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова, буквально влюбившись и провалившись в восточную медицину и философию, я прочно усвоил, что человеческий организм — это нечто более сложное, чем просто набор органов, заключенный в кожаный мешок, как это преподносит западная медицинская модель. Тогда западная модель, как, впрочем, и сейчас, была превалирующей, но мне импонировала восточная — с ее понятиями об энергии, чакрах, БАТ, меридианах, по сути являющихся волноводами, по которым течет жизненная энергия. Эта концепция грела мне душу и откликалась разуму, и, естественно, как доктор я не только изучал это направление, но и практиковал его. А после увольнения из Вооруженных сил РФ судьба свела меня с абсолютно инновационным направлением, которое, тем не менее, опирается все на ту же многовековую мудрость энергетического и целостного подхода к человеку и здоровью.

Я работаю на стыке западной и восточной медицины, психологии и новых информационных технологий, которые реализованы в различных биофизических и биорезонансных технологиях. Вся моя многолетняя врачебная практика показывает, что этот уникальный альянс, где компоненты не противоречат друг другу, дает очень хороший результат не просто в лечении, а в исцелении

пациента. Я считаю, что именно такой должна быть медицина с душой, или сознательная медицина.

Таких результатов может добиться любой врач, любая клиника, любой оздоровительный центр. Но для этого необходимо изменить парадигму мышления, начать видеть в пациенте многомерную структуру, признать, что все в этом мире не случайно и не хаотично и что в основе любого процесса и явления, включая здоровье и болезнь, лежат энергия и информация.

▶ ЧАСТЬ 1

МОЙ ПУТЬ В МЕДИЦИНЕ

ГЛАВА 1. УЧЕБА

А ТАМ БУДЕТ ВИДНО

С тех школьных пор, а может, даже и раньше, как я начал задумываться о своей будущей карьере, ничего иного, кроме врачебного поприща, в голову не приходило. Наверное, это вполне естественно для единственного ребенка, росшего в семье врачей: отец — травматолог, мать — гинеколог. Хотя дорогу мне прочили в Горный институт или Политех — все же жили мы в Донбассе, в Донецке. Насколько помню, врачебных разговоров или обсуждений каких-то интересных случаев при мне не велось, наоборот, порой говорили, что работа эта тяжелая, неблагодарная и т.д. В то же время я видел бесконечные букеты цветов и коробки конфет, которые некуда было складывать. Мама моя — классный специалист, работала с профессором Ландау на приеме — это знаменитость не только городского масштаба, но и известный по всей стране ученый.

В моей школе было восемь классов, и, когда я окончил ее с похвальной грамотой, было принято решение не продолжать образование в другой школе, а поступать

в Донецкое медицинское училище, на фельдшерское отделение. Диплом, по крайней мере, в кармане не помещает, а там видно будет — так мы рассуждали.

ПОЧЕМУ ТЕРАПИЯ?

Экзамены сдал легко, также и учился с удовольствием, осваивая азы медицинской науки. Даже сейчас, по прошествии более четырех десятков лет, хорошо помню, почему выбрал терапию, а не хирургию, что, в общем-то, более свойственно мужскому полу. Все дело было в любви к предмету, которую в нас заложили преподаватели. Хирургию у нас вел теоретик, пенсионер, давно не практикующий. Он ходил между рядов, заложив руки за спину, и говорил о том, что и так можно было прочитать в учебниках. А преподаватель курса терапии привела нас в обычное больничное отделение на практику, где все знали, что придут студенты. Она делила нас на группы по 2–3 человека, давала фамилию пациента, номер палаты — и мы шли к больному, что называется, с голыми руками. Все истории болезни прятались и были недоступны нам. Мы беседовали с пациентом, собирали анамнез, щупали, слушали его, а пациенты терпеливо и снисходительно ждали окончания осмотра. Потом мы шли в учебный класс и обсуждали диагноз, план обследования и лечения, и кто-то один из группы озвучивал общее решение, а преподаватель, хитро поглядывая на нас, открывала историю и отвечала на наши вопросы, если они возникали.

Так формировалось клиническое мышление. И поскольку процент «попаданий» был очень высок, а парламентом чаще выступал я, то и удовольствие от совпадения наших гипотез и реальных данных истории, которые формировались при обследовании пациента, толкало на более глубокое изучение всех аспектов терапии.

Дальнейшее совершенствование терапевтических знаний продолжалось на кафедре пропедевтики Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова, куда я поступил в 1974 г. На этой же кафедре у нас был конкурс «Стетоскоп», состоявший из шести этапов, довольно жестких, который также требовал глубоких знаний и применения их на практике. Он проводился среди слушателей всех трех факультетов — сухопутных и ракетных войск (второй факультет), летчиков (третий) и военных моряков (четвертый). Я был на втором.

Пятый факультет был для иностранцев, а их в ВМА всегда училось много, и практически каждый из выпускников впоследствии занимал крупный пост в своей стране, а если повезет, то и становился министром здравоохранения. Ну а первый факультет был для нас маяком — второе высшее образование! Уже будучи офицерами, после нескольких лет службы мы могли снова поступить в альма-матер для дальнейшего постдипломного образования, что я и реализовал через восемь лет. Но это все в далеком будущем, а пока 3-й курс и конкурс с наградными стетоскопами — бронзовым за третье место, серебряным — за второе, ну и золотым — сами понимаете, за первое. И вот я, без роду и племени, без блата

и взяток, с момента поступления в академию в Красном Селе, где у нас был военно-учебный лагерь, участвую в этом «естественном отборе», наравне со всеми сынками преподавателей, генералов и других знаменитостей. И завоевываю призовое второе место, став обладателем «Серебряного стетоскопа», что также определило мой путь в терапию. Я уже и забыл об этом, но на недавней встрече выпускников мои однокашники, представляя меня своим женам (у некоторых это были уже вторые-третьи браки), вспоминали именно этот титул.

А.Т. Семений со стетоскопом, фото из личного архива автора

На 5-м курсе у нас была войсковая стажировка, и меня занесло в Казахстан, на Байконур, куда я впоследствии и попал после окончания академии.

ГЛАВА 2. БАЙКОНУР

Это был олимпийский 1980 год. На Байконур мы получили распределение вместе с Колей Бушиком — теперь это известный нейрохирург Николай Александрович Бушик, — я в автомобильный полк, а Коля на ТЭЦ. Приехали на станцию Тюра-Там поздно вечером. Пустынно, жарко... Уже не помню, кто встречал, где ночевали. На следующий день отправился в штаб, где меня ждали. Тогда с квартирами проблем не было — получил жилье в течение двух месяцев! Вскоре меня откомандировали на 61-ю площадку, где располагался учебный центр автополка, и я каждый день ездил туда на мотовозе. Это поезд, битком набитый офицерами, которые спали, играли в домино, карты, нарды, читали — в общем, коротали два часа поездки на работу и так же обратно.

В моем распоряжении были санитарный уазик для экстренной перевозки больных в госпиталь, расположенный в 80 километрах, два санинструктора срочной службы и лазарет на 20 коек. Я не старался злоупотреблять этой привилегией, иметь служебную машину, и уж если ехал в город с больным, то мой диагноз был точен. А показания к госпитализации были действительно неотложными, и мне не приходилось краснеть в приемном отделении госпиталя перед старшими товарищами.

В 1982 г. я прорвался на академические курсы по рефлексотерапии, которые проходили на кафедре неврологии любимой академии. Я там был самый молодой в ВС РФ, лейтенант, войсковой офицер, а со мной учились

все полковники, начальники санаториев Минобороны или невропатологи — начальники отделений из тех же санаториев.

Но это нисколько не мешало, наоборот — терять было нечего, и я задавал много вопросов, погружаясь в недра науки. Так что рефлексотерапией дипломированному специалисту теперь в части можно было заниматься на полном основании.

Продолжая изучать восточную медицину и дальше, я практиковал ее в воинской части, будучи начальником медицинского пункта автомобильного полка. Многих жен офицеров, солдат и своих командиров поднял на ноги иглолками, точнее иглоукалыванием. Но чувствовал и понимал, что учиться этому реально можно всю жизнь.

Наверное, по той причине, что я по гороскопу скорпион, меня всегда тянуло к таинственному и необъяснимому. И однажды я попал на обучение к самой Джу-не¹, используя для этого один из своих отпусков. Она тогда была в зените славы, ее показывали по телевидению, о ее феноменальных способностях писала пресса, а в Москве их изучением занималась лаборатория «Физические поля биологических объектов», специально созданная в Институте радиотехники и электроники имени В.А. Котельникова Российской академии наук.

¹ Джуна Давиташвили (1949–2015 гг.) — целительница, дар которой сделал ее известной еще в начале 80-х, когда к ней стали обращаться партийные руководители, артисты и другие влиятельные персоны СССР.

Учиться у Джуны было очень интересно, и здесь пригодились мои навыки из тай-цзи-цюань, так как я чувствовал энергию другого человека, а это в ее методике один из базовых элементов. С аурой пациента у целителя должна быть обратная связь, тогда он быстро набирается опыта и видит, а точнее, чувствует результаты своего труда. И что интересно — клиент также давал обратную связь по своим ощущениям. Это очень вдохновляло.

Сама Джуна появлялась нечасто, в основном обучали ее доверенные преподаватели. Когда она приходила, всегда случался такой массовый сеанс прямо в аудитории. Мы все поднимали руки и, как радары, ловили ее посыл — волны действительно ощущались на расстоянии. Конечно, тут был и ее авторитет, и мы были раскачаны и чувствительны, и сама атмосфера... Но, я вам доложу, это было нечто!

Уже тогда меня посещала мысль, что, видимо, когда-то будут созданы приборы, повторяющие и имитирующие ее излучения. Это вопрос, конечно, сложный и не исследованный до конца, тем более что, увы, Джуна ушла и уже недоступна для изучения. Но, немного забегая вперед, скажу, что через многие годы я нашел-таки подобные приборы, генерирующие волны, под которые организм подстраивается по принципу резонанса, как под абсолютную гармонию — о них будет рассказано в отдельной главе.

В 1982 году я пошел на повышение, став начальником медицинской службы автомобильного полка и перебравшись в город Ленинск на 10-ю площадку. Теперь

в свободное время я мог поддежуривать в приемном отделении в качестве помощника дежурного терапевта и потихоньку стал знакомиться со специалистами госпиталя космодрома Байконур. Через год я был здесь уже своим, и, когда возникла вакансия в терапевтическом отделении, сам главный терапевт Иван Васильевич Лиходий дал мне добро. Из части меня отпустили без канители, несмотря на то что мои командиры жалели о том, что уходит такой специалист, но они, умудренные опытом, понимали: медицина для меня была настоящим призванием, и возможности полкового врача я уже перерос.

Вспоминаю эпизод из своей практики. В 3-е терапевтическое отделение, где я работал ординатором, пришел начальником выпускник 1-го факультета, майор В.В. Попков. Он ушел на офицерское собрание, а я остался в отделении один. Поступает солдатик с явлениями артрита, конъюнктивита и уретрита. Из анамнеза стало ясно, что незадолго до обострения перенес какую-то кишечную инфекцию.

Я описываю всю картину в истории болезни, назначаю обследование, лечение, но диагноз мне был тогда не вполне ясен. Пробираюсь в актовЫй зал, нахожу своего начальника, сажусь позади и шепотом рассказываю ему клиническую картину. Он подумал не больше минуты, пожевал так губами и говорит: «Синдром Рейтера». Я тогда удивился широте его знаний, начал рыться в своих книгах и обнаружил описание этой болезни, причиной которой является — точно! — кишечная или мочеполовая инфекция. Думаю — надо же, как хорошо учат на 1-м